

МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ ЛИТЕРАТУРЫ

На пороге восьмидесятых годов перед учеными, исследующими социалистическую художественную культуру, с особой очевидностью встала задача обращения к научному прогнозированию. Каковы перспективы наиболее плодотворного развития эстетической сферы жизни общества и как эффективнее способствовать такому развитию? Вот вопрос, который все чаще обсуждается в разных аспектах. Ему, например, было целиком посвящено прошедшее в Москве совещание специалистов из семи стран социализма. «Прогнозирование», — говорил там, в частности, болгарский ученый Димитр Паскалев, — является одной из основных функций любой науки, и в этом отношении эстетика и искусствознание не составляют исключения. И в то же время отмечалось: «Предвидение будущего искусства представляет особую трудность...»

Действительно, цель стоит реальная, но нелегкая. И потому заслуживает пристального внимания каждый опыт определения перспектив художественного процесса «Пути и перепутья прогнозирования» — так озаглавлен один из разделов нового фундаментального литературоведческого труда. Наименование другого раздела обещает нетрадиционный экскурс в «годы восьмидесятые — девяностые». Да и на переплете этой монографии необычное название: «Советская литература вчера, сегодня, завтра». Об этой гольке что выпущенной книге Ю. Кузьменко и пойдет речь.

Творческая смелость литературоведа состоит в том, что он не просто рассуждает о необходимости заглядывать в предстоящее и о мегодах, которые для этого пригодны, — нет, он стремится дать прямой ответ на некоторые сугубо конкретные вопросы, связанные с дальнейшей эволюцией искусства слова. При этом представляется методологически ценным сам подход к решению задачи: прогноз строится на фундаменте историзма. Основной массив выстроенного исследователем здания — интересный, оригинальный анализ фактов истории нашей литерату-

ры — от Горького до современности, и лишь венчающий концепцию «шпиль» устремлен в следующие десятилетия, в преддверие XXI века. Важно отметить правильность исходной позиции: рассуждения о литературном «завтра» были бы бесплодны без разговора о «вчера» и «сегодня».

В книге Ю. Кузьменко «вчера» — это литература этапа становления социалистического общества, «сегодня» — литература развитого социализма. Автор исследования предлагает укрупненное членение истории советской литературы: он выделяет в ней два больших этапа (первый — включая 40-е годы, второй — 60—80-е; 50-е годы рассматриваются как переходный период). Стоит заметить: такая периодизация (или, лучше будет сказать, «этапизация») советской литературы вряд ли является единственно возможной, правомерны и другие принципы установления вех при написании биографии нашей художественной мысли, ее деления на исторические «отрезки». Суть, однако, в другом: как определяет исследователь общий ход литературного процесса и каковы вытекающие отсюда гипотезы относительно завтрашних исканий и открытий писателей?

Возьмем, например, главу, где характеризуется диалектика единства и различия двух стадий в развитии советской литературы, — и сразу бросится в глаза прямая, четкая постановка вопроса. Качество важное и отрадное. Ведь что греха таить, в сочинениях иных критиков ради иллюзии неуклонности постулатов мысль подчас укутывается в такое множество всяких оговорок и расплывчатых иносказаний, что добраться до существа выдвинутых идей почти невозможно. Не то — в книге Ю. Кузьменко. Здесь ничто не размыто, не закамуфлировано. Перед нами — насыщенный концентрат. Открываются новые грани таких важных проблем, как идейно-эстетическое единство советской литературы и творческое многообразие; взаимодействие национальных культур, путь к расцвету и взаимобогащению литератур, создаваемых на 76 языках народов СССР; типоло-

гические особенности творчества, художественное отражение мира и человека, характеров и обстоятельств, эстафета образных систем; новаторство и традиции; демократизм литературы, встреча искусства и трудовых масс, развитие народа — развитие народности; социалистический реализм, обогащение метода и уточнение его теоретических истолкований, критерий коммунистической партийности.

По этим линиям ведется сопоставление двух литературных массивов. Есть в книге страницы, разделенные на два столбца. Слева — то, что относится к молодости советского общества, справа — к его зрелости. Слева — характеристика литературы первых послеоктябрьских десятилетий, справа — черты современного художественного процесса.

Концепция автора, если попытаться изложить ее сжато, такова. Вплоть до 40-х годов происходил процесс формирования и укрепления советской литературы как феномена единого, идеологически целостного, типологически определенного. Разные потоки как бы устремлялись к одному идейно художественному центру, к общности социального пафоса и — соответственно — к общности основных эстетических принципов. «Сжимающаяся Вселенная» — так можно было бы определить этот процесс. И вот на смену ему с середины 50-х годов, по мысли Ю. Кузьменко, приходит тенденция к большей широте и разнообразию проблемно-тематических и жанровых стилевых исканий. Теперь наша литература становится как бы «расширяющейся Вселенной». Но это вовсе не движение вспять, не отказ от достигнутого, не возврат к пестроте позиций или, скажем, к различию в уровне развития национальных культур. Дальнейшее открытие «хороших и разных» творческих путей происходит на новой высоте, на фундаменте достигнутой общности устоев многонациональной социалистической литературы. В наши дни обогащение содержания и разветвленность форм диктуется, как настаивает автор, возможностями и потребностями зрелого социалистического общества: расши-

рением сфер деятельности и интересов народа, ростом и дифференциацией его духовных запросов.

Прежде чем перейти к прогнозистической главе «По страницам ненаписанного», Ю. Кузьменко вдумчиво анализирует «страницы написанного»: это произведения О. Гончара и С. Залыгина, Ч. Айтматова и Д. Гранина, Ю. Трифонова и Ф. Абрамова, В. Быкова и М. Слущикса, Ч. Гусейнова и В. Лама. Книжки этих и многих других писателей рассматриваются в социологическом и эстетическом разрезе, причем эти два подхода у автора неразрывны, взаимосвязаны.

В дальнейшем развитии намечавшихся к началу восьмидесятых годов перспективных художественных тенденций Ю. Кузьменко как раз и видит гот путь, по которому пойдет литература народов СССР в обозримый период.

В книге подкупает прежде всего умение автора нащупать действительно живые проблемы, почувствовать «горячие точки» литературного процесса. Так, нельзя пройти мимо соображений о тех изменениях в образных структурах, которые влечет за собой переход от времени помки, бури, взрыва к устойчивости, стабильности повседневной жизни. Убедительны и размышления о том, в каких направлениях сможет развиваться художественное осмысление темы Великой Отечественной войны, какие формы сменяют документально-достоверную детализацию, идущую от незабываемых впечатлений участников боев. Автор делится с нами и раздумьями об эволюции литературы, на которые его навели книги о селе и произведении о людях индустрии.

Концепция литературоведа не претендует на бесповоротное «закрытие» поставленных вопросов. Новаторство нашего искусства требует и от его исследователей столь же новаторских научных поисков, проб, предположений и, разумеется, их последующей тщательной коллективной проверки. На это сознательно и открыто идет автор книги.

Написана она увлеченно, и оттого отдельные ее положения сформулированы, быть может, с

известной заостренностью. Это касается, скажем, характеристики «центростремительных» тенденций на одном этапе литературного развития и «центробежных» — на другом. Автор, конечно, подразумевает, что это разграничение не абсолютно, обе тенденции — как к сплочению, так и к разнообразию — проявляются одновременно, хотя каждый раз по своему. По праву придается в книге громадное значение эпическому началу в литературе довоенной и военной поры, хотя, думается, можно было бы указать при этом на несовпадения эпического как выражения героического состояния мира и эпического как категории, соотносимой с понятием лирического. Учитывается ли в должной мере и многозначность понятия «романтическое»? Справедливо констатируется преодоление черт романтизма старого типа, но заодно, пожалуй, несколько недооценивается романтика, к примеру, в эпоху военных лет. Принципиально новые и потому в чем-то дискуссионные и «прогностические» страницы книги. Как известно, методы научного прогнозирования не сводятся к так называемой экстраполяции, перенесению выводов, полученных в определенных условиях, на будущее обстоятельство. Достаточен ли в этой связи очень уж спокойный вывод исследователя: «Литература 80—90-х годов будет в основном развиваться в русле тенденций, обнаруживших себя в годы 60—70-е»? Впрочем, для книги в целом характерно не это «академическое» спокойствие, а как раз активный, неумный рабочий настрой.

«Отдаю себе отчет, — говорит автор — что сказанное выше порой не укладывается в привычные представления, вызывает желание что-то уточнить, с чем-то поспорить. Что же, давайте думать...»

Да, исследование Ю. Кузьменко активизирует мысль, призывает сосредоточиться на решении действительно насущных вопросов. Это галантный, по-настоящему творческий труд, тот, что помогает проложить дорогу из вчерашнего дня — через нынешний — в день завтрашний. И. ДУБРОВИНА